

*И. И. Докучаев**

**ФИЛОСОФИЯ В ПОИСКАХ АБСОЛЮТНОГО ЗНАНИЯ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ VERSUS ТЕОЛОГИЯ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭДИТ ШТАЙН****

В статье рассмотрен философский проект Эдит Штайн, который представляет собой синтез двух концепций поиска абсолютного знания — теологической концепции веры как способа познания Бога и феноменологической концепции редукции как способа познания очевидности трансцендентальной субъективности. Эти концепции рассмотрены в их ключевых историко-философских воплощениях — в работах Фомы Аквинского и Эдмунда Гуссерля. Несмотря на указанное выше существенное расхождение между Фомой Аквинским и Эдмундом Гуссерлем, Эдит Штайн обосновывает важнейшее сближение схоластики и феноменологии в учении о созерцании сущностей, признавая и ту, и другую традицию способами их познания. Однако затем она вновь обнаруживает принципиальные различия в этом учении: а именно в теории выработки сущностей, сформулированной Фомой Аквинским, и в теории непосредственного усмотрения содержательной аксиоматики познания мира, разработанной Эдмундом Гуссерлем.

Ключевые слова: Эдит Штайн, Фома Аквинский, Эдмунд Гуссерль, феноменология, схоластики, усмотрение сущностей, вера, естественный разум.

I. I. Dokuchaev

**PHILOSOPHY IN SEARCH OF ABSOLUTE KNOWLEDGE:
PHENOMENOLOGY VERSUS THEOLOGY AS INTERPRETED BY EDITH STEIN**

The article considers the philosophical project of Edith Stein, which is a synthesis of two concepts of the search for absolute knowledge — the theological concept of faith as a way of knowing God and the phenomenological concept of reduction as a way of knowing the

* Докучаев Илья Игоревич, кандидат культурологии, доктор философских наук, профессор РГПУ им. А. И. Герцена; ilya_dokuchaev@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44055 «Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна».

evidence of transcendental subjectivity. These concepts are considered in their key historical and philosophical incarnations — in the works of Thomas Aquinas and Edmund Husserl. Despite the aforementioned significant discrepancy between Thomas Aquinas and Edmund Husserl, Edith Stein substantiates the most important convergence of scholasticism and phenomenology in the doctrine of the contemplation of essences, recognizing both traditions as ways of their cognition. However, then she again reveals fundamental differences in this teaching: namely, in the theory of the development of essences, formulated by Thomas Aquinas, and in the theory of direct perception of the substantive axiomatics of knowledge of the world, developed by Edmund Husserl.

Keywords: Edith Stein, Thomas Aquinas, Edmund Husserl, phenomenology, scholasticism, discretion of essences, faith, natural reason.

Феноменологическая философия была одним из основных направлений в истории философии XX в. и остается таковой по сей день в силу ее оригинального метода исследования бытия и сущего, связанного с истолкованием различных структур сознания. Метод феноменологии ограничивал предмет исследования исключительно формами опыта переживания, открытого его субъекту в рефлексии. Эти переживания ограничивались классической психологической рамкой восприятия пространственно-временной реальности, а поскольку Бог есть сущее трансцендентное, существующее вне этой рамки и являющееся в ее границах только в исключительных случаях (в видениях и мистическом опыте), полагание теологической предметности изначально оказалось маргинальной задачей феноменологии. Э. Гуссерль подвергал теологическую предметность редукции точно так же, как и любые предметы вещественного мира, претендующие на абсолютность своего бытия. Вместе с тем трансцендентальная предметность также является структурой сознания, поскольку такого рода предметы (ноэмы) полагаются сознанием и предполагают особые способы их данности (ноэзы). Эта тема разрабатывалась различными философами, представлявшими как феноменологию в ее классическом — гуссерлевском — изводе, так и феноменологию иного типа.

Речь идет о работах немецких философов, Макса Шелера, Алексиуса фон Майннга, Николая Гартмана, на которых Гуссерль и его учитель Франц Брентано (который и сам создавал теологические сочинения) оказали некоторое влияние, но вместе с тем они создавали свой вариант феноменологии, и в его составе теологическая проблематика играла значимую роль. Другую группу феноменологов, занимавшихся проблемой трансцендентной реальности и Бога, составляют философы, работавшие уже после создания гуссерлевской феноменологии. Здесь следует упомянуть Отто фон Больнова, Эммануэля Левинаса, Габриэля Марселя. Особенно значимыми для понимания теологической предметности феноменологии и разработки вклада феноменологов в проблемы теологии являются работы Мишеля Анри («Сущность явления» и его поздние тексты «Воплощение. Философия плоти», «Я есть истина. О философии христианства» и «Слова Христа»), Эдит Штайн («К проблеме эмпатии», «Конечное существо и вечное Существо», «Наука Креста» и «Феноменология Гуссерля и философия святого Фомы Аквинского») и Дитриха фон Гильдебрандта («Этика», «Преображение во Христе», «Литургия и личность» и «Мораль»). На их материале можно увидеть эволюцию феноменологической

проблематики, ее трансформацию в теологическую, можно понять, насколько они совместимы.

В настоящей статье я представлю своеобразное введение в эту проблему, т. е. продемонстрирую те основания, исходя из которых можно сравнить феноменологию и теологию на уровне их предмета и метода. В качестве материала для сопоставления очень удобно использовать работы самих представителей феноменологического движения и дать слово одному из ключевых авторов, писавших как на теологические, так и на феноменологические темы — Эдит Штайн. Ее перу принадлежит, в частности, работа «Феноменология Гуссерля и философия св. Фомы Аквинского. Попытка сопоставления». Этот текст как раз и посвящен вопросу выделения сфер пересечения феноменологической и теологической проблематики в их наиболее ключевом изводе — в концепциях основоположника феноменологии Эдмунда Гуссерля и наиболее значимого в истории теологии философа, представителя высокой схоластики — Фомы Аквинского.

12 октября 2021 г. исполнилось 130 лет со дня рождения Эдит Штайн. Ее судьба — удивительная и трагическая история выдающегося человека, осуществившего свою социальную и культурную миссию в XX в. Будучи незаурядным философом и мыслителем, почувствовавшим всю мощь и новизну феноменологической концепции бытия и познания Эдмунда Гуссерля, Эдит Штайн стала его ученицей и создала ряд блестящих феноменологических текстов, посвященных проблеме вчувствования (эмпатии). Текст ее промоционной докторской диссертации был посвящен одному из ключевых феноменов сознания — конституированию другого Я. Уже этот ранний и философский интерес Штайн к проблеме трансцендирования, т. е. выхода за пределы достоверной сферы бытия, констатируемой как сфера собственного Я, установленная благодаря примордиальной феноменологической редукции с максимально возможной для человека степенью очевидности в качестве исходного и изначального фундамента всякого познания поистине существующего мира, — уже этот интерес свидетельствует о том, что субъективное бытие как версия абсолютного бытия не устраивает Штайн, не совпадает с ее интуицией роли другого человеческого Я в бытии собственного Я, других людей в мире, окружающем сознание, общества и его культурных горизонтов, и в конечном итоге, всего того, что составляет содержание той самой субъективности, которую Эдмунд Гуссерль рассматривал как единственно возможный абсолют.

Собственная жизнь, опыт участия в Первой мировой войне, напряженный труд мыслителя приводят Эдит Штайн к открытию иного абсолюта — бытия Бога как единственно возможного обеспечения оправданного результата поиска исходного и изначального фундамента бытия и его познания. Необходимо подчеркнуть еще раз, что это открытие было не просто интеллектуальным озарением, оно стало результатом экзистенциального опыта, усиленного размышлением, а не порожденного им. Однако мысль не становится при этом служанкой бытия, она ищет собственных оснований для ее существования, и она находит их в теологической традиции неотолизма. Показательно, что похожий путь прошла другая ученица Эдмунда Гуссерля — Хедвиг Конрад-Мартинус, которая была крестной матерью Эдит Штайн. Конрад-Мартинус стала

протестантским мистиком, ее экзистенциальный опыт привел философа к тому, чтобы в мире собственной субъективности открыть абсолютный мир и способы доступа к нему. Эти способы доступа не предполагали социального измерения, они лишь вели к углублению субъективности, но не к расширению ее. Эдит Штайн прожила иную жизнь. Она не просто изменила способ своего мышления и получила иные философские результаты, нежели ее прежняя феноменологическая работа, она стала подвижником своих новых открытий, она превратила свою жизнь в важнейшую часть своего синтеза бытия и мышления, она самой своей смертью доказала очевидность и фундаментальность этого синтеза. И ее дальнейшая посмертная память, включая канонизацию в качестве католической святой, — это не что иное, как наиболее подлинное доказательство ее идей из всех возможных доказательств какой-либо философской концепции.

В этом отношении Эдит Штайн стоит в одном ряду с величайшими философами всех времен и народов, которым удалось объединить свою жизнь и свое мышление в неразрывное целое и не изменить этому целомудрию. Сократ, Фома Аквинский, Эдмунд Гуссерль — важнейшие фигуры в этом ряду целомудренных философов. Все эти люди научились переживать мышление как откровение об особом способе бытия человека, который связывает его с абсолютным бытием. Они поистине стали жителями иного мира, который связан с миром остальных людей так же, как идеал со случайностью, вечное — с временным. Сократ нашел этот подлинный мир в его учении о воспоминании подлинного бытия и в его смерти, Фома Аквинский — в его учении о Боге как источнике бытия всего сущего и в его святости; Эдмунд Гуссерль в его поиске абсолютного начала человеческой субъективности и в его титанической погруженности в это начало. Эдит Штайн тоже по праву занимает свое место среди них. И далеко не случайно то, что ее философия сформировалась под влиянием феноменологии Эдмунда Гуссерля; но следует отметить, что она добилась своего откровения не в результате ревизии всего того, что связывало ее с феноменологией, а путем ее своеобразного — теологического — развития. Этот момент отражен во многих публикациях Эдит Штайн, она неоднократно стремилась показать свой философский и экзистенциальный путь как неизбежное диалектическое движение от субъективности к абсолюту и объективности, от истины «Я» к истине Бога и служению людям. Ее ранние философские сочинения и поздние богословские труды объединяет постоянная переключка, рекурсивное возвращение к их общим основаниям, все новые и новые версии феноменологического прочтения теологических концепций и теологической герменевтики феноменологической философии.

На первый взгляд, совмещение теологии и феноменологии невозможно, ибо они исходят из принципиально противоположных оснований. Феноменология — опыт гиперкритического поиска очевидности, который редуцирует, то есть оставляет за скобками истины все, что кажется хоть мало-мальски сомнительным, в том числе человека с его телом, общество других людей, сам материальный мир и его духовные основы — Бога. Однако необходимо при этом помнить, что феноменологическая редукция не есть отрицание бытия редуцируемых регионов сущего, она лишь путь в глубину познания, к истокам

его подлинного основания — к субъективной очевидности. Эдит Штайн была одним из наиболее внимательных и искренних учеников Эдмунда Гуссерля, и от нее не могло укрыться то, что результаты деятельности ее учителя и его школы не соответствуют той высокой планке требований, который предъявляла к истине сама трансцендентальная философия. Очевидность не была достигнута, хотя главное получилось — удалось показать, что человеческое мышление не способно открыть и установить очевидность, ибо устранить все сомнения в отношении какой бы то ни было сферы неподлинного бытия невозможно, а значит, в основе любого знания лежит вера, ибо иначе никакое знание не будет возможным и приемлемым. Теологическая форма знания — есть диалектически противоположный вид знания именно по отношению к феноменологии, и этот вывод был сделан Эдит Штайн и доказан ее мышлением и жизнью. Ее собственное учение стало синтезом теологии и феноменологии, а не противопоставлением их, оно показало необходимость синтеза теологии и феноменологии на пути достижения абсолюта, а своим подвижничеством и мученической смертью Эдит Штайн доказала истину этого синтеза.

Теперь изложим все сказанное выше словами самой святой Терезы. В упомянутой уже выше статье Эдит Штайн прямо начинает с утверждения о принципиальном различии феноменологии и схоластики: «Если мы следуем философским путем Эдмунда Гуссерля, то не так просто выйти [с него] на философский путь св. Фомы Аквинского» [1, с. 331]. Однако почти сразу она обнаруживает и возможность сближения этих путей: у феноменологии и схоластики «по меньшей мере, в одном пункте наблюдается полное согласие: в понимании философии как строгой науки» [1, с. 332]. Но это пока только поверхность и декларация философских программ, в их глубинах же таится существенное различие. То, что Гуссерль считал единственным способом познания истины, — а именно естественный разум, для Фомы Аквинского только один и не самый совершенный способ. Он существенно уступает другому — вере в откровение. Вера не есть нечто иррациональное, напротив, она — тоже форма разума, только сверхъестественного. Эдит Штайн так определяет роль веры в системе философского познания по Фоме Аквинскому: «если вере свойственна высшая достоверность, которую только способен обрести человеческий дух, и если философия притязает на то, чтобы достичь такой достоверности, то она должна включить в себя достоверность веры» [1, с. 336]. И далее: «освещаемый верой естественный разум следует по собственному правилу теми путями, которые согласуются со сверхъестественной истиной» [1, с. 337], причем вера гарантирует собственную достоверность, ибо она есть вера в абсолют. Естественный же разум подобных гарантий обрести не в состоянии.

Эдит Штайн здесь не видит проблемы, однако только для верующего человека гарантии веры достаточны, для неверующего же они не просто сомнительны, а более того — заведомо иллюзорны, тогда как гарантии разума — только сомнительны. Именно такой точки зрения придерживался еще Декарт, а затем и Кант, разделяя критическую и догматическую философию. Критика знания, предпринятая Гуссерлем, носила максимально радикальный характер. Но этот поиск, как полагает Эдит Штайн и как полагал еще Фома Аквинский, был заранее обречен на неудачу, ибо достигнуть познания абсолюта человеческому

разуму не дано. И здесь Эдит Штайн высказывает наиболее существенное для понимания различий между Гуссерлем и Фомой суждение:

Стремящийся к истине интеллект никогда не сможет успокоиться на переосмыслении, которое явилось результатом трансцендентального исследования, — на отождествлении существования сознания и удостоверения им самого себя. Оно находится в противоречии с верой — прежде всего потому, что делает относительным самого Бога. Это, пожалуй, наиболее острая противоположность между католической философией и трансцендентальной феноменологией: с одной стороны — теоцентрическая, с другой — эгоцентрическая ориентация [1, с. 343].

Однако это противопоставление — только начало философии Эдит Штайн как синтеза феноменологии и схоластики. Несмотря на его остроту, она находит ряд ключевых способов синтеза основных результатов, полученных Фомой Аквинским и Эдмундом Гуссерлем: «Мы можем предварительно выделить три пункта, в которых, несмотря на мнимую противоположность, обнаруживается полное совпадение схоластического и феноменологического метода: 1. Всякое познание начинается с чувств» [1, с. 347]. Это не совсем очевидно для феноменологии, которая рассматривает чувства как несущественный материал для усмотрения сущности, но все-таки без них это усмотрение не было бы возможным. Схоластика тоже не может быть истолкована как индуктивный метод, поэтому возможно сблизить ее с феноменологией, и таким образом: «2. Фома говорит: все естественное человеческое познание получает чувственный материал с помощью интеллектуальной обработки. В самых общих чертах метод Гуссерля также не противоречит этому положению» [1, с. 347]. То есть «достаточно одного образцового созерцания, чтобы осуществить «абстракцию»» [1, с. 347], или усмотрение сущности. Таким образом, «и в третьем пункте — в вопросе об активном или пассивном характере интуиции — можно констатировать их совпадение» [1, с. 347–348]. В связи с этим Эдит Штайн заключает:

Феноменология и схоластика вновь согласуются между собой — в сопротивлении всякому субъективному произволу, а также в убеждении, что любое усматривание, которое есть пассивное принятие, является наиболее подлинным достижением рассудка, а остальные действия — лишь подготовкой к нему [1, с. 348].

И вот теперь, когда указаны три важнейших сходства феноменологии и теологии, Эдит Штайн вновь, но уже на более детально реконструированном уровне, возвращается к проблеме противоречия между ними. Синтез — это не некий готовый продукт философии, он есть процесс постоянной проблематизации различий и поиска новых объединяющих аспектов. Речь идет о ключевом результате феноменологии — открытой аксиоматике всяких возможных миров. Этот результат Эдит Штайн формулирует таким образом:

1. существует различие между непосредственно истинами, подлежащими усмотрению (*einsichtig*) и производными (*abgeleitet*); 2. среди непосредственно подлежащих усмотрению истин есть также содержательно определенные; 3. усматриваемость этих содержательно определенных положений — это интеллектуальная усматриваемость, а не чувственная очевидность, и их содержание не может быть выведено — по крайней мере, полностью — из чувственного опыта [1, с. 351].

Фома Аквинский согласился бы с первым тезисом, а в отношении второго и третьего заметил бы, что подобные аксиомы требуют особой выработки, хотя и существуют не благодаря опыту. Имеются, конечно, и аксиомы, которые не вырабатываются, а усматриваются — это, например, аксиома собственного существования, но не она составляет сущность познания. И здесь Эдит Штайн формулирует ключевой результат схоластики, который представляет собой концепцию трех средств (инструментов) выработки аксиом:

1. свет рассудка, в силу которого мы познаем; 2. формы или виды (*Formen* oder *Spezies*), с помощью которых рассудок познает вещи (то есть не просто материальные вещи, а «*res*», реальности вообще); 3. объекты опыта, посредством которых мы познаем другие объекты опыта (как, например, отражения в зеркале), а также любые реальные воздействия, возводящие к своим причинам [1, с. 352].

Собственное существование познается посредством только первого инструмента и в результате познания природы видов, т. е. не с их помощью, но благодаря их постижению. Внешний мир познается посредством второго и третьего инструмента. А сами формы или виды — посредством своеобразной интуиции, или выработки:

...в смысл непосредственности, свойственной сущностным истинам, включается только: 1. противоположность той опосредованности, которая присуща познанию реальностей через их воздействия; 2. созерцаемость (*Anschaulichkeit*) или усматриваемость, противоположная «пустому» мышлению или знанию [1, с. 355].

Эта выработка не присуща ангелам и Богу, они обладают знанием видов изначально. В этом смысле они обладают подлинным знанием сущностей, «у нас же сохраняется несоответствие между видами вещей, которые вырабатывает *intellectus agens*, и сущностью вещи, как она есть в себе (*in sich*)» [1, с. 354]. Говоря на языке феноменологии, Эдит Штайн проясняет это различие так: «...хотя сущностное созерцание и направлено на всю сущность, но этой интенции соответствует только частичное исполнение» [1, с. 355]. Наконец, ангелам, в отличие от Бога, необходим божественный свет для осуществления познания, и только Бог обладает абсолютной непосредственностью познания всего. Еще одной областью человеческого познания (наряду с познанием себя и мира) оказывается познание Бога, которое «опосредовано не только в том смысле, что требует выработки и осуществляется посредством видов, но оно опосредуется также познанием других реальностей — творений» [1, с. 353]. Это познание, таким образом, не является подлинным, или позитивным, оно негативно.

Эти размышления приводят Эдит Штайн к новому принципиальному различию феноменологии и схоластики, которое формулируется в качестве предварительного вывода, требующего следующих прочтений и, конечно, не отменяющего возможных сближений и расхождений в будущем:

Феноменология стремится учредить себя как науку о сущности и показать, как возможно построение мира и, соответственно, множества возможных миров для сознания благодаря его духовным функциям. В этой взаимосвязи «наш» мир

постигался бы как одна из таких возможностей. В изучении его фактического состояния феноменология уступает позитивным наукам, предпосылки которых в отношении предмета и метода философия рассматривает в таких исследованиях возможностей (Möglichkeitensuntersuchungen). Для Фомы же речь шла не о возможных мирах, но о наиболее совершенной картине этого мира. Сущностные исследования должны были пониматься как фундамент такого понимания, но при этом было необходимо принимать во внимание те факты, которые приоткрывают нам естественный опыт и вера. Отправной объединяющей точкой, из которой разворачивается вся философская проблематика и в которую она всегда возвращается, для Гуссерля является трансцендентально очищенное сознание, для Фомы — Бог и его отношение к творениям [1, с. 355–356].

Для самой Эдит Штайн это различие в способе усмотрения сущности между ее выработкой и непосредственным знанием оказалось решающим, ибо в последующих своих текстах она все более склоняется к тому, чтобы признать правоту Фомы Аквинского (что особенно характерно для ее последней книги, посвященной сопоставлению феноменологии и схоластической теологии — «Конечное существо и вечное Существо»), однако она никогда не отказывается от феноменологии, оставляя право другим философам вновь и вновь возвращаться к этому проекту и заново переживать его правоту и сомнительность. Ведь ценность всякой подлинной философии не столько в том, чтобы ответить на все поставленные ее авторами вопросы, сколько в том, чтобы пробудить это вопрошание в новых поколениях искателей истины. А феноменология и схоластика задавали самые существенные вопросы с максимальным радикализмом, и поэтому без их голоса и их диалога теперь вряд ли кому-либо удастся обойтись (даже позитивистам и аналитикам), если ставить вопросы о бытии и истине всерьез.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штайн Э. Феноменология Гуссерля и философия святого Фомы Аквинского. Попытка сопоставления // Горизонт. — 2017. — № 6 (2). — С. 329–357.